

**Д Ы М**

**СЕРГЕЙ ЧУХИН**

**РАЗЛУКИ**

**СТИХИ**

**СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ  
К Н И Ж Н О Е  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
1974**

Сергей Чухин родился в 1945 году в деревне Бабцино Вологодской области. Работал киномехаником, корреспондентом областного радио и молодежной газеты. В 1970 году он окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Сейчас Сергей Чухин — литературный сотрудник редакции газеты «Вологодский комсомолец».

Первая книга молодого поэта — «Горница» вышла в 1968 году в Северо-Западном издательстве. В 1973 году издан сборник его стихов «Дни покоя» (М., «Молодая гвардия») «Дым разлуки» — третья книга поэта.

Стихи Сергея Чукина посвящены родной вологодской земле, ее людям. Лирический герой прощается с юностью, обретая зрелость, уверенность в своих силах, но что-то и безвозвратно теряя, — дым разлуки горек.

\* \* \*

Журавлиный клин качается,  
Мерно крыльями гребет,  
Лето красное кончается,  
Стылой осени черед.  
С поля рожь недавно убрана,  
Не скрывает большака.  
Почернела в кадках губина,  
Загнетейная слегка.  
Буераки да овражины  
Застилает листопад.  
Дровни заново отлажены  
И на поставнях стоят.  
Холодами зелень губится,  
Только озимь зелена...  
Мне за то Россия любитя,  
Что рабочая она,  
Что труды трудом сменяются,  
Что они в полях у нас,  
Словно зорюшки, смыкаются,  
Не смолкая ни на час.

© Северо-Западное книжное издательство, 1974

Стихотворения, отмеченные в содержании звездочкой, печатались в сборнике — С. Чухин. «Дни покоя». М., «Молодая гвардия», 1973 г.

• • •

Летит листва,  
Легко черкает оземь.  
Пришла пора туманов и дождей.  
Как незаметно наступила осень  
На деревенской родине моей!  
Не прозевали люди,  
Опростили  
В корзины  
Простодушные леса.  
И говора не слышно за кустами,  
И отпорхали птичьи голоса.  
Усталая природа затихает,  
И дай ей бог зимой не знать тревог!  
Мой костерок неслышно затухает,  
Мой костерок —  
Мой теплый островок.  
Трепещет пламени душа живая,  
Стремясь набрать былую высоту!  
Я, словно жизнь свою продлить желая,  
За хворостом ныряю в темноту.  
Летит в глаза холодный дым разлуки,  
Но, утирая слезы,  
Я молчу  
И так к огню протягиваю руки,  
Как будто друга удержать хочу...

• • •

Поле перемечено стогами.  
Далеко родимое село.  
На Руси, засыпанной снегами,  
Стало малоллюдно и светло.  
Под полозьями скрипит дорога,  
Сонную тревожа благодать.  
Нет над миром ни звезды, ни бога,  
И пустыне некому внимать.  
Встанет на обочине прохожий,  
Иногда попросит табачку  
И уйдёт, на остальных похожий,  
К тусклому жилому огоньку.  
И опять потянется равнина.  
И опустит шею вороной.  
И душа от холода хранима  
Этим снегом, этой тишиной.

\* \* \*

Грузовичок потряхивает славно!  
Едва пристроюсь — снова подскочу.  
Уже на шутки улыбаюсь слабо,  
А сам ответно вовсе не шучу.  
Наверно, бесконечен этот волок!  
Машина с хрипом лезет на увал.  
Таких дремучих и угрюмых елок,  
Признаться, я доныне не видал.  
А рядом старичок ползет по тропке,  
Не обернется на моторный вой!  
Вспомняешь тут о гоголевской тройке  
И грустно покачаешь головой.  
Попутчики веселые устали,  
Поистощили шуточек запас.  
Не отступают перед нами дали,  
А наступают, кажется, на нас.  
Из лужи в лужу новую ныряя,  
Глядим вперед за каждый поворот  
С надеждою, что пусть и не родная,  
Но все-таки деревня промелькнет.

\* \* \*

Кончилось осеннее ненастье.  
Ожили озимые в земле.  
Разве это не большое счастье  
На Руси, забывшей о тепле?  
Так светло, что о зиме не думно,  
Курят, балагурят мужики.  
А давно поленницы обдуло,  
И пора бы им в дрованики.  
Не найдешь в деревне человека,  
Что сегодня пасмурен, сердит.  
Как начало золотого века,  
Золотой денек такой стоит.  
Кончилось осеннее ненастье,  
Вот и перемена на земле,  
Вот и снова привалило счастье  
Людям, позабывшим о тепле.

\* \* \*

Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой —  
Все скосили, просушили и поставили в стога.  
У кузнечика хромого с треугольной ногой  
Не шумит над головою разноцветная тайга.

Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,  
Покатилось красно солнышко — позолотило рожь.  
И ночами выстывают в речке камень да песок...  
Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета не  
вернешь.

Посажу тебя, пожалуй, не в карман, а в коробок,  
Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.  
Тихой радостью осенней запастись надо впрок,  
Свежим сеном и листвою устилая дно души.

Тучи толстые нахлынут и, когда посыплет снег  
И когда не остановишь ни на чем усталых глаз,  
Ты напомним мне, кузнечик, мой зеленый человек,  
Тишь, луга, ржаное поле... Это будет в самый раз.

Плотней прикроем двери да растопим нашу печь,  
Да погреемся немного у домашнего огня.  
Ах, кузнечик, я не в силах это лето уберечь!  
Как товарищ по несчастью, понимаешь ты меня...

\* \* \*

Звезда протаяла  
Меж облаками.  
Минувший день,  
Как ветром, отнесло.  
Но над озерами,  
Над волоками  
Стоит тепло,  
Вечернее тепло.  
Глухими парками,  
Потом лугами  
Пойду один  
Неведомо куда,  
Пускай ромашки  
Светят под ногами,  
Пускай горит  
Над головой звезда.  
Пускай тропа моя  
Течет все дальше  
И не дает  
Нигде передохнуть...  
Такая тишь!  
И мне отрадно даже,  
Что предстоит еще  
Обратный путь.

\* \* \*

*А. Грязеву*

Во мглу и дождь погружена округа.  
Прекраснее погоды не найдешь!  
Такой порою не дождешься друга,  
Не тянут ни река,  
Ни зелень луга...  
Шуршит, шуршит по низкой крыше дождь  
И размывает времени границы.  
Мне снова мил осточертевший труд —  
Листать и править желтые страницы;  
И годы мои прежние, как птицы,  
Издаю мне голос подают.  
Хочу поймать мгновенье в сети строчек,  
Хочу его подольше удержать!  
Так мотылька — трепещущий комочек —  
Дитя поймает в жаркий кулачок  
И пальцы так сожмет, что не разжать.

\* \* \*

Ночь онемела здесь, над полем,  
И звезды августа летят,  
И Фет читается запоем,  
И человек покою рад.  
Любимой не спугнет страницы,  
Не сдвинет с тишины засов  
Ни дальний свет большой столицы,  
Ни ровный ход стенных часов.  
И все, что было днем забыто  
И навсегда погребено,  
Летит свободно и открыто  
На растворенное окно.

Листвы караваны  
За осень следом  
По плесам широким  
Тянутся.

Лесные поляны  
Покроются снегом,  
А наши следы  
Останутся.

Мы в речке купались,  
Мы сено косили,  
Поставили скирды  
Толстые.

Грибные дожди  
По ночам моросили,  
Косить-то с утра —  
Удовольствие!

И вот откупались,  
И вот откосили...  
Что в будущем с нами  
Станется?

Листвы караваны  
По речкам России,  
По плесам широким  
Тянутся.

Дровишки подсохли,  
И жито дожато,  
Сиди —  
Не слезай с лавочки!

Но лета крылатого  
Все-таки жалко,  
Особо  
Последней ласточки.

Уже пожелтела,  
Пожухла отава,  
Свалялась  
От первого инея.

Земля притомилась,  
Остыла, устала...  
Передохни,  
Милая!

\* \* \*

До свиданья, родная сторонка!  
Чемоданчик в руке и билет.  
Откровенно, слезами ребенка,  
Мне заплакала девушка вслед.  
Отвалил пароходишко ветхий  
От знакомых домов и берез,  
И, веселый, по палубе верхней  
Я шатался, не слишком тверез.  
И поехала жизнь, завертелась!  
Чемоданчик потерялся, ну что ж...  
Не скрываю, порою хотелось,  
Чтобы времечко, глупое сплошь,  
Воротилось!.. Но разве вернется!  
А не верить нельзя, —

потому,  
Может, счастье еще улыбнется,  
Да и сам улыбнешься ему.  
Так прости же, родная сторонка!  
Лишь одно не отмолился, нет,  
Как открыто, слезами ребенка,  
Мне заплакала девушка вслед.

\* \* \*

Шоссе районного значенья —  
Арена нашего мученья.  
Плывем по озеру всю ночь,  
Ревет редакционный газик,  
И мы — эх, разик, еще разик! —  
Ему пытаемся помочь.

Нам не проехать этим трактом.  
Одно спасенье — если б трактор...  
И всяк дороженьку клянет.  
Опять, опять сидим в кювете!  
Фуфайку, ругань, все на свете  
Шофер под колесо кладет.

Ах наконец-то мы в деревне!  
Спасибо деду за доверье —  
Прекрасней печки места нет!  
Шофер во сне куда-то едет,  
Шофер во сне о чем-то бредит,  
Пока не свалится в кювет...

\* \* \*

Полузабытой дорогой неспешно шагаю,  
Топаю тихо на дальний мерцающий свет  
Мимо деревни, названья которой не знаю,  
Мимо ручья, у которого имени нет.

Что-то не слышно собачьего звонкого лая,  
Что-то не видно привязанных в поле телят...  
Значит, деревня, как многие здесь, нежилая,—  
Вон лопухи в огородах какие торчат!

Слышал, раскольники здесь поселились когда-то  
И коренились, и каждый мужик был угрюм.  
Жили прижимисто, круто, зато и богато;  
К ним поученья писал протопоп Аввакум.

Миром сводили леса под свои огороды,  
Под сенокосы и пашню, работка — воловьею под  
стать!

Нет, для крестьян не случаются легкие годы,  
Даром земля не накормит, хотя и кормилица-мать.

Нет уж давно тех, что крепко держались раскола.  
Здесьшний погост — он в малине, в смородине весь...  
А у потомков — окончена средняя школа,  
Всюду их встретишь, но только, пожалуй, не здесь,

Где ни веселых детей, ни собачьего лая...  
Топаю дальше на дальний мерцающий свет  
Мимо деревни, названья которой не знаю,  
Мимо ручья, у которого имени нет.

\* \* \*

Снегу светлому поклоняюсь,  
Снегу —  
Чистой душе небес.  
Поклоняюсь ему,  
Покоряюсь,  
Ожидаю его чудес.  
И всегда благодарен душою,  
Что в морозные дни января  
Не хоронит поля под собою,  
А собою  
Спасает поля.

• • •

Стужа на душе и непогода,  
И ничей не радует привет.  
Словно на причале парохода  
Ночью ждешь, а парохода нет;  
Словно друга лучшего обидел,  
Указал рукою на порог,  
Словно я беду его предвидел,  
Да предотвратить ее не мог.  
Хмуро, знобко, как в сыром подвале...  
Но порой полезны сквозняки,  
Чтоб живую душу не заткали  
Сытого довольства пауки.

• • •

Открою дверь на легкий стук:  
Спасибо почте!  
О друге вспомнил,  
А письмо уж тут как тут!  
И мир не то чтобы добрей,  
А как-то проще,  
Когда вокруг  
Твои товарищи живут.  
И если встанешь  
На краю большого риска,  
Они придут к тебе на помощь:  
— Не беда! —  
Тебе открыты их кредиты,  
И прописка  
Тебе открыта в доме каждого  
Всегда.  
Открою дверь на легкий стук:  
Спасибо почте!  
Она всегда письмо приносит,  
Если ждешь  
И мир не то чтобы добрей,  
А как-то проще  
От первой строчки  
От вопроса:  
— Как живешь?

\* \* \*

Долга ты, деревенская зима!  
Твои морозы и ветра суровы.  
Но что найдешь приятней для ума,  
Чем погрузиться в старые тома,  
Как погрузился домик мой в сугробы?  
И не страшит безмолвие ночей!  
Работается и легко, и споро.  
Все радуется: живой огонь свечи,  
И мягкое дыхание печи,  
И даже то, что ночь пройдет нескоро.  
Но сколько б дум на сердце ни легло  
И как бы их перо ни отмечало,  
А утром встанешь: «Боже, как мело!  
Белым-бело вокруг, белым-бело...»  
И это значит — все начни сначала.

\* \* \*

Бессонницы тревожный бред.  
То беспричинная забота,  
То слышу — хлопнули ворота,  
А выйду —  
Даже следу нет.  
Задумаюсь — и снова мне  
Почудится знакомый шепот,  
И на крыльце неясный топот,  
И взоры быстрые в окне.  
Мягутся тени прошлых дней,  
Как серая ночная вьюга.  
И вдруг лицо былого друга  
Воскреснет в памяти моей  
Живым укором...  
Что со мной?  
Как будто все, кого обидел,  
Сюда сошлись,  
В мою обитель,  
И тихо встали за спиной.  
О, если б спас меня рассвет,  
Но сколько было их, рассветов!  
Не меньше, чем благих обетов...  
И всё равно покоя нет.  
Приходит ночь, и в тишине  
Опять знакомый слышен шепот,  
И на крыльце неясный топот,  
И взоры чудятся в окне...

\* \* \*

Волшебная, далекая пора!  
Получена последняя отметка —  
И кончена для нас десятилетка,  
И мы ушли со школьного двора.  
Какое счастье!  
И в последний раз —  
А кто же знал тем полумраком летним,  
Что этот раз останется последним? —  
Старинный парк радушно встретил нас.  
Не угаю,  
Когда на то пошло,  
Как мы, еще обняться не умея,  
И от прикосновения немея,  
Девчонок провожали за село...  
Теперь другим встречать рассветный час,  
Теперь другие с бала выпускного  
Уходят в тайну сумрака ночного,  
Как уходили мы,  
Да и до нас...  
У них сирень приколота к груди,  
Для них оркестр на улице играет!  
Они не знают и никто не знает  
О том,  
А что-то будет впереди...

\* \* \*

За воротник роса кропила.  
Часовенки чернела тень.  
Признаться, страшновато было  
Ломать на кладбище сирень.  
Она угарная стояла,  
Покачивалась в тишине,  
Цветами белыми сгорала  
И обжигала руки мне.  
А я с оглядкой вороватой  
Ломал ее совсем не зря,  
Влюбленный и невиноватый,  
Что там ломаю, где нельзя.

• • •

Кони пронеслись дорогой старой.  
Пронеслись они... и снова тишь.  
Ты зачем мне душу бредишь  
Милою негромкою гитарой?  
Наклоня голову над нею,  
Позабудь про дни больших обид.  
Отыщи струну, что всех нежнее,  
Пусть она подольше говорит.  
Утешеньем ты меня не трогай,  
Только песне нынче буду рад.  
Кони пронеслись лесной дорогой...  
Где теперь, гривастые, летят?  
От судьбы добра не ожидаю,  
Руки опускают поводья.  
Но всегда под песней оживаю,  
Где горит, горит моя звезда.  
Подпеваю тихо, как умею,  
Забывая дни больших обид.  
Отыщи струну, что всех нежнее,  
Пусть она подольше говорит.

• • •

И вот пришла пора грибная!  
Отныне, отдыха не зная,  
Березняком да сосняком  
С корзиною да посошком,  
Как мирный леший, без пути  
Иду — абы куда идти.  
Да что же! Ведь и это счастье:  
Лес тихий, теплое ненастье...  
Скрипит в руке перевесло —  
И человека понесло!  
И вот я бью челом грибу,  
Благодаря свою судьбу.  
Уколы ласковые хвори  
Меня спасут от всякой хвори.  
Иду по чаще, напрямиком;  
Лес — мне, а лесу я знаком.

...  
...  
Нам по душе погожие деньки!  
Они безгрешным солнышком повиты.  
Нам по душе широкие ракиты,  
И старых мельниц жернова и плиты,  
И тихий ток заброшенной реки.  
Мой добрый друг, он счастлив, как дитя,  
Что я не нахвалюсь его местами  
И луговыми чистыми цветами...  
— Ну что, — смеется, — ноги не устали? —  
И мы с ним дальше топаем, шутя.  
На вырубке, где мхом покрыты пни,  
Он снова улыбается:  
— Взгляни-ка...  
— О господи! Какая земляника!  
Она клубнике кажется сродни.  
...И дальше мы шагаем належке.  
Пчелиная вокруг играет вьюга,  
И, топая средь млеющего луга,  
Мы радуемся радости друг друга,  
Как солнцу, землянике и реке.

Люблю ночной порой не зажигать огня.  
Как будто сон цветной, плывут передо мною  
Места родимые не в ясном свете дня —  
Места родимые под белою луною.  
Туман с реки, туман ползет на берега.  
Не дни, а вечера пока поостывали.  
Под белою луной лишь редкие стога  
В тумане том едва всплывают островами,  
Напоминая мне июльский сенокос,  
И жадных оводов, и страх пред каждой тучей!  
Но кончилась, прошла пора полночных гроз!  
Ни тени на пути, пути звезды падучей...  
Деревня тихо спит. Собаки даже спят  
Незлобные, забыв про полые ворота...  
Полночных деревень незыблемый уклад.  
...А солнце где-то там дойдет до поворота —  
И взгляду открывается окрест  
На месте быстрой речки гниль и сырость,  
На месте пахоты ольховый серый лес...  
Куда и почему все кануло и скрылось?  
И я задумываюсь, голову склоня...  
Как будто сон цветной, плывут передо мною  
Места родимые не в ясном свете дня —  
Места родимые под белою луною.

• • •

Столько грязи опять и осеннего холода столько,  
Что лугами и то далеко от села не уйдешь.  
На осеннем костре начинает попискивать тонко,  
Начинает попискивать по-комариному дождь.  
По сырому жнивью разбрелось беспастушное стадо.  
Сплоховал сенокос: шли дожди с Покрова на Ильин.  
Чтобы на зиму сена у каждой хозяйки достало,  
До мороза и снега коровам ходить по жнивью.  
И кого же не тронет осенняя эта картина,  
Если ветер и дождь и ночами тускнеет жнивье!  
Так чиста а наготе своей, так беззащитна равнина,  
Что без слез невозможно открыто взглянуть на нее!  
А особенно поздними в дальней дороге ночами,  
Когда слабый огонь вдруг мелькнет в осязаемой

мгле...

Можно сил почерпнуть даже в горькой осенней  
почали,  
Если ты на родной и пускай неуютной земле.

• • •

Листва осенняя сопрела.  
Ушли потоки под мосты,  
И сразу же в конце апреля  
Явились первые цветы.  
Как дети, что по всей России  
Уже босые месят грязь,  
Так и цветы стоят босые,  
Большому солнышку смеясь.

...  
Вода затопила кюветы.  
Дороги в грязи густой.  
И не прикочуют конверты,  
Подписанные тобой.  
Болота, болота, болота...  
Кустарник, река, сухостой.  
Для птиц — полтора перелета,  
Для почты — неделя с лихвой.  
Возьму у соседа дворнягу,  
Ружье заряджу и опять  
Пойду на вечернюю тягу  
Не птиц, а часы убивать.  
Но под комариное пенье  
Среди бесконечных болот  
Никак не приходит забвенье,  
Да, видимо, и не придет.

...  
Кажись, и чудо невелико,  
Такое встретишь каждый год,  
А погляди-ко, волчье лыко  
Цветет — и как притом цветет!  
Его коснулось тенью только  
Крыло весны... И вот оно  
Зажгло свой огонек. Но сколько  
В нем теплоты заключено!  
Полянку словно осветило,  
А сердце каждого из нас  
Хорошим чувством окатило,  
Да и порадовало глаз.  
Велико чудо, невелико —  
Любое важно на веку.  
И потому-то волчье лыко  
Поставить надобно в строку.

...  
Таблетками накормлен до отвала.  
Куда уж как невеселы дела!  
Нередко мне болезнь бои давала,  
Но приступом на этот раз пошла.  
Унесены женою папиросы,  
И запрещен врачами всякий труд  
(А им не стоит задавать вопросы,  
Когда они уже не задают).  
Не малое дитя,  
Я понимаю...  
Но выкарабкаться хочу опять.  
И я сейчас такое вспоминаю,  
Что прежде не хотелось вспоминать.  
Да что,  
Не начинать же жить сначала,  
Когда года, как воды, протекли,  
Когда огни последнего причала  
Уже мерцают где-то невдали.  
Какая уйма времени убита  
На пустяки!  
И вот теперь стою  
Не то что у разбитого корыта,  
Но чувствую, что не бывать в раю.  
А ведь хотелось жить начать сначала!  
Строка любая это подтвердит!  
Но совесть долго мучилась, молчала,  
Теперь вот встрепенулась, закричала.  
Да кто услышит, кто ее простит?

...  
Николай Иванович, Колюня!  
Заводи в оглобли жеребца!  
Полетим селом наудалую  
Дальше от зазнобина крыльца.  
Пусть она ресницами уколет  
Зимнее холодное стекло,  
Пусть она посмотрит в чисто поле —  
Далеко ли сани унесло?  
Эх, Колюня, раскалим полозья,  
Пусть под ними плавится снежок!  
Все равно зазноба ночью поздней  
Не воткнет в калитку батожек.  
Все равно дождется — я-то знаю! —  
Знаю, потому и говорю,  
Потому безудержно гуляю  
И еще безудержней люблю.  
Ворочусь к зазнобе ночью поздней,  
Выходи, скажу, да покажись...  
Зачеркните, мильные полозья,  
Прошлую, укатанную жизнь!

\* \* \*

И снова праздник наш печален,  
Да и нельзя наоборот:  
Ведь мы не Новый год встречаем,  
А провожаем старый год.  
Ах, были шутки легкокрылы!  
Но годы вороном летят,  
И множат близкие могилы,  
И, чую, новые сулят.  
А нас и так осталось мало...  
Да что тут сетовать на жизнь!  
Как говорил Рубцов бывало,  
Коли поехал, так держись!  
Нам время строгое не в диво,  
Намяло шею и бока.  
Оно, конечно, справедливо,  
Коль время мерить на века.  
Но и при шуме ветра злого,  
Когда и тяжело и темно,  
Пиши, мой друг, как будто слово  
Тебе  
Последнее  
Дано.

\* \* \*

Поют соловушки во мгле.  
Ах, тише, тише, тише...  
Они гнездятся на земле,  
А петь взлетают выше.  
И что им дела до забот,  
Что всяк себе заводит.  
Ах, как один из них поет!  
А как другой выводит!  
Остыла на костре зола,  
Тонка заря, как волос.  
А он на холоде дотла  
Пережигает голос.  
Хотя гнездится на земле,  
Но петь взлетает выше...  
Поют соловушки во мгле.  
Ах, тише, тише, тише...

...  
Покрyты сплавом берега реки.  
Над омyтами наклонились ели,  
И устилают илистые мели  
Тяжелые тупые топляки.  
А мы-то шли сюда издалека,  
А как мы об ушице-то мечтали...  
Напрасно только снасти размотали  
Да натаскали дров для костерка.  
И кто сказал, что рыба здесь берет?!  
Пришла пора подсчитывать потери:  
Повывелись доверчивые звери,  
Вот так и до людей дойдет черед.  
Но я сейчас живу другой бедой, —  
И долгими дорожными часами  
Все та река стоит перед глазами,  
Как в страшной сказке, с мертвою водой.

...  
Сижy, рыбачу... Только зря,  
Лишь два усатых пескаря  
И те от скуки, так, слегка  
Позарились на червяка...  
Плохи, плохи мои дела!  
Куда же рыба вся ушла?  
А раньше, помню, здесь в грязи  
Такие хрюкали язи,  
Что даже оторопь брала!  
Плохи, плохи мои дела...  
И разбирает зло меня —  
Уже потеряно полдня,  
А словно вмерзли поплавки  
В серебряную гладь реки.  
Сижy... Но с криками «Ура!»  
Летят два бойких комара,  
Хотят расправиться со мной!..  
Пойду-ка лучше я домой,  
А пескарей пущу в реку.  
Пусть вспоминают на веку,  
Какой я хмурый и большой,  
С какою доброю душой.  
Приятно, что ни говори,  
Пускай не люди — пескари,  
Пускай в норе, пускай на дне,  
Но все же вспомнят обо мне.

\* \* \*

Случилась перемена  
В судьбинushке моей.  
Ах доченька, Елена,  
Весенний воробей!  
Кричишь неугомонно,  
Не отойди на миг!  
Минуло время оно  
Кино, покоя, книг.  
Сухой глотаю ужин —  
Неважно, что за снeдь!  
И вновь бываю нужен  
Стирать, качать, сидеть.  
Припоминаю сказки  
По милости твоей,  
Недреманные глазки,  
Весенний воробей!  
Сними-ка вот с колена  
Такого воробья...  
Ах доченька, Елена,  
Забавница моя!

\* \* \*

Дочурке сладко спится,  
Сопит себе, сопит.  
Наверно, мама снится,  
А мама рядом спит.  
Умаялась... И значит,  
Что белым днем опять  
Случалось — дочка плачет,  
Случалось — плачет мать.  
Разбросаны тетрадки,  
Легко стучат часы,  
Посапывают сладко  
Курносые носы.

\* \* \*

Не забывай минувшие печали,  
Любовь найдя и доброту найдя.  
А если позабудешь, то едва ли  
Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера  
Тебя не отрезвят.

И потому  
Былая боль — единственная мера  
Сегодняшнему счастью твоему.

• • •

Лежалый снег ползет по крыше,  
Сосульки тают на весу.  
Апрель сияет у мальчишек  
И у сосуллек на носу.

Запахло прелою землю,  
Трава проклюнется вот-вот.  
И первый трактор  
Под зимую  
Черту на пашне  
Подведет.

• • •

*В. Коротаву*

Свое дитя как не оберегать!  
И рыжику румяному на шляпу  
Она легонько положила лапу,  
Та елочка, та молодая мать.

Но я ведь тоже, ой, какой хитрец!  
Ношу очки и все прекрасно чую,  
Не зря в лесу и днюю и ночью,  
И малыша заметил, наконец.

И елочку взяла от страха дрожь,  
Когда небритый, радостный детина  
(Довольно кровожадная картина)  
Вдруг из корзины вынул острый нож!

Да, этот рыжик мой наверняка!  
Стоял он теплый, будто бы спросонок,  
И, показалось, пискнул, как цыпленок, —  
И поневоле дрогнула рука.

Смутился я, неопытный злодей...  
Валежник треснул — люди были рядом...  
И, посмотрев на рыжик добрым взглядом,  
Я стошел подальше от людей.

Ах, как он прыгал по опушке сада!  
 Но сразу после лучшего прыжка  
 Два равноценно гибельных заряда  
 Ему пронзили теплые бока.  
 И хмурые стрелки сошлись, набывшись,  
 Один к другому злобы не тая.  
 — Бери, коли попал... твоя добыча...  
 — Да нет, бери уж сам, она твоя...  
 Один промолвил: «Шкурка-то пропала...»  
 Другой в ответ: «Теперь в ней проку нет...»  
 Потом они расстались без скандала,  
 Снежок занес угрюмой встречи след.  
 И снег летел до сумрака ночного,  
 А заяц оставался недвижим,  
 И снег его засыпал, как родного,  
 И сделал холмик, словно над родным.

Среди берез, на берегу реки,  
 Лужайки каблуками выбивая,  
 Играя, озоруя, выпивая,  
 Опустошая местные ларьки,  
 Среди берез, на берегу реки,  
 Гуляет праздник, устали не зная.  
 Улыбкой доброй выгнута гармонь,  
 А гармонист басами все, басами!  
 И ноги в такт притопывают сами,  
 И люди, словно ночью на огонь,  
 Идут на ошалевшую гармонь,  
 И пляшет дед с намокшими усами.  
 Пускай попляшет! Разве это грех  
 Народу отдохнуть перед страдою,  
 Пред пылью сенокосною седою?  
 Пускай народ гуляет без помех  
 И даже выпьет! Разве это грех  
 Такой веселой праздничной порою?  
 Среди берез, на берегу реки,  
 За песней песня да за словом слово,  
 И даже крики... Что же тут такого —  
 Пospорили немного мужики...  
 Среди берез, на берегу реки,  
 Здесь ничего не может быть плохого.  
 Здесь девушки плетут себе венки,  
 Ромашки и купальницы срывают,  
 А малые ребята затевают  
 Бежать куда-то наперегонки...  
 И облака проходят высоко,  
 И солнца ни на миг не застилают.

• • •

Она давно живет одна.  
Помолится неслышно богу —  
И смотрит, смотрит из окна  
На онемелую дорогу.  
Надеялась — не дождалась.  
Пережила какие грозы!  
...Четыре года кровь лилась,  
И тридцать лет, как льются слезы.

• • •

Постой же! Погляди сюда —  
Теней густые невода  
От елей темных вдоль пруда  
Легли, не замутили воду;  
И день сошел по небосводу,  
И вышла первая звезда  
Светлей, приветней, чем окно,  
Что другом другу зажжено  
На бездорожье, где темно,  
Где осень заменила лето...  
Но сердцу, видимо, и это  
Не все равно... не все равно...

• • •

Душа, словно птица, пуглива.  
Не целые дни напролет,  
А вечером здесь, у обрыва,  
Короткое время поет.  
Единственно, бедная, рада,  
Забыв про еду и питье,  
Что скрыто от жадного взгляда  
Гнездо потайное ее.  
Шумят над землею березы,  
Сентябрьский предчувствуют дождь.  
И колятся, колятся слезы,  
А плачешь — и, значит, живешь.  
Душа потому и пуглива,  
Что тайно и трудно живет,  
Но вечером здесь, у обрыва,  
Короткое время поет.

• • •

Да что такое происходит с небом,  
Неужто ветер тучи не собьет?!  
Четвертый день холодный дождь со снегом  
Не выпускают местный самолет.  
Четвертый день с попутчиком случайным  
(Со стороны — знакомые давно!)  
Шатаемся по закоптелым чайным  
И попиваем красное вино.  
Сидим часами, не меняя позы,  
И нам отнюдь не утешают слух,  
А сердят беспросветные прогнозы  
Не в меру разговорчивых старух.  
Над головою радио болтает,  
Издевкою напоминая тут,  
Что самолеты сами не летают,  
Что пароходы сами не плывут.  
Да, нелегка сегодня участь наша!  
Зачем сюда дорожка занесла?  
По-бабьи нас жалеет тетя Паша,  
Стаканы убирая со стола.  
И мы уходим, попрощавшись с нею,  
И тихо направляемся опять  
Дождю навстречу и навстречу снегу,  
Которых бесполезно проклинать...

\* \* \*

Дрова подсохли на повети.  
Речная выстыла вода.  
На добром свете, белом свете  
Установились холода.  
Не слышно окриков людей.  
Видны в окне густые гривы  
Подслеповатых лошадей,  
А дальше —  
Желтые обрывы  
Реки.  
Пониже, у моста,  
Деревня встала тихим чудом.  
Забыты богом, но не людом  
Мои равнинные места.  
С утра хозяйки топят печи  
И о погоде речь ведут.  
Снега придут — апреля ждут,  
А там до лета недалече...  
И так всегда.

\* \* \*

Выгляжу как белая ворона  
Между слишком бойкими людьми.  
Не нужна мне помощь мегафона,  
Чтоб признаться Родине в любви.  
Лучше леса, полюшка и луга  
Не нашепчешь милой стороне.  
Друг всегда имеет право друга  
Помолчать вдвоем наедине.  
И когда над Русью небо ясно,  
А ее леса —  
Порыв и стать!  
Мне легко...  
Но разве громогласно  
Это надо клятвой подпирать?

• • •

Работай, друг мой,  
Душою чист,  
Один проходи  
Науку.  
По праву руку —  
Бумаги лист,  
И сердце —  
По леву руку.  
Но легче будет писать  
Вдвоем,  
Если,  
Навек условясь,  
Рядом с тобою —  
Поводырем  
Незамутненная  
Совесь.  
А трудно станет  
В пургу и свист,  
Поделят поровну  
Муку:  
По праву руку —  
Бумаги лист  
И сердце —  
По леву руку.

• • •

Сияет Ясная Поляна.  
Не видно суеты нигде.  
Светла, отчетлива, багряна,  
Листва застыла на воде.

Найду высокую аллею,  
Найду покой и полутьму,  
И, гость незванный, пожалею,  
Что нет хозяина в дому.

...  
Луга,  
Что не украшены стогами.  
На горле их  
Сомкнутся ивняки.  
И я прощаюсь  
С этими лугами,  
Они живут  
Последние годки.

Ивняк забьют со временем  
Деревья,  
И встанет лес,  
И станет веселей.  
А говорят,  
Что здесь была деревня...  
Но это  
Не на памяти моей.

...  
Сомкну глаза — и, словно наяву,  
Проходишь предо мной, легко одета,  
Привет последний и улыбка лета,  
И расплетаешь мягкую траву.  
Сомкну глаза — и, вновь тебя зову,  
Любимую! Зову — и нет ответа.

Неистребима память о тебе.  
Она жива и в парке том тенистом,  
Где мрак пронизан щебетом и свистом,  
Где милый шепот слышится в листве;  
И в поле том, ромашковом и чистом;  
В моей, давно неприбранной судьбе.

Спустишь к реке тропинкой от села,  
Надеясь тайно на чудесный случай  
Тебя увидеть вновь под белой кручей —  
Случаются же дивные дела!

Но остывает камень бел-горючий,  
Где только что Аленушка была.

\*\*\*

Ни звезды, ни ясна месяца, —  
Костерок горит в ночи,  
И бесшумно тени мечутся,  
Как огромные сычи.

Слышно — рядом речка токает,  
Ходит перепел в овсе,  
Лошадь спутанная топаёт  
Да катается в росе.

Ни проезжего, ни пешего —  
Тишина и благодать!  
Никакого больше лешего  
Не желаю пожелать:

Ни звезды, ни ясна месяца...  
Мне теплее на земле,  
Если тени тихо мечутся,  
Костерок горит во мгле.

\*\*\*

Среди зимы, среди мороза  
Внезапно грянул гром!  
И вот,  
Как остроносая заноза  
В зенит вонзился самолет.

Снежок со вздрогнувших сосенок  
Чуть в сторону поволокло,  
И лес поежился спросонок,  
Теряя трудное тепло.

Зачем будить его, больного?  
Он сам собою оживет  
От грома доброго, живого,  
От грома птиц и грома вод.

\*\*\*

Сводим лес и травим наши реки,  
Признаемся, что порою — зря,  
Добавляем, — все мы человеки...  
Так ли это, правду говоря?  
Полчищами шумными не мы ли  
Шастаем по реденьким лесам?  
А березки, как глухонемые,  
Руки воздевают к небесам.  
Ладно бы по ягоды бродили...  
Но на карте в наши времена  
Не отыщешь белого пятна,  
Где бы браконьеры не блудили.  
На Шексне-реке сорожку жарим,  
Хвастаемся — кто и что поймал.  
А забыли, что старик Державин  
О шекснинской стерляди писал.  
Памятью слабеем год от году,  
Ведь природу называли — мать...  
Покоряя дикую природу,  
Как бы нам самим не одичать.

\*\*\*

*В. Сергееву*

Брали ягоду, рыбачили,  
Чай варили на костре.  
Жить, по сути, только начали,  
Глядь — и осень на дворе.  
Частый дождик хорохорится  
Все залить в один присест.  
А, представь себе, не хочется  
Уезжать из этих мест.  
Лес, пока кормил морошкойю,  
Был нам дорог, как никто.  
А теперь дружка хорошего  
Так и бросим без пальто?  
Речка потчевала рыбую,  
Словно ласковая мать.  
А теперь сказать спасибо ей  
Да и удочки смотать?  
Разве бросишь друга в горести,  
В непогоду, в черный час?  
Это было б не по совести.  
Не в обычае у нас.

...

Без заботы жилось, без печали,  
Все безоблачно было в судьбе.  
Нам другие порою прощали  
То, чего не прощали себе:  
И забытое слово привета,  
И забытую скорбную дверь,  
Письма срочные без ответа...  
А теперь, а теперь, а теперь  
Что за голову браться руками,  
Все не выправишь наверняка...  
Обнажает подводные камни  
Жизни тающая река.

...

Опять,  
Опять весну припомнил прежнюю!  
Ночные тропы, тишину — опять...  
Но все труднее стало жить надеждою  
И самому надежды подавать.

Припомнил дом с цветущею рябиною,  
Припомнил все, что позабыл навек...  
Дыши, дыши на уголек рубиновый,  
На уголек надежды,  
Человек!

## СОДЕРЖАНИЕ

«Журавлиный клин качается...» . . . . .	5
«Летит листва, легко черкает оземь...» * . . . . .	6
«Поле перемечено стогами...» . . . . .	7
«Грузовичок потряхивает славной!» . . . . .	8
«Кончилось осеннее ненастье...» . . . . .	9
«Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...» * . . . . .	10
«Звезда протаяла меж облаками...» . . . . .	11
«Во мглу и дождь погружена округа...» . . . . .	12
«Ночь онемела здесь, над полем...» . . . . .	13
«Листвы караваны за осенью следом...» . . . . .	14
«До свиданья, родная сторонка!» * . . . . .	16
«Шоссе районного значенья...» . . . . .	17
«Полузабытой дорогой неспешно шагаю...» . . . . .	18
«Снегу светлому поклоняюсь...» * . . . . .	19
«Стужа на душе и непогода...» . . . . .	20
«Открою дверь на легкий стук: спасибо почте!» 21	
«Долга ты, деревенская зима!» . . . . .	22
«Бессонницы тревожный бред...» . . . . .	23
«Волшебная, далекая пора!» . . . . .	24
«За воротник роса кропила...» . . . . .	25
«Кони пронеслись дорогой старой...» . . . . .	26
«И вот пришла пора грибная!» . . . . .	27
«Нам по душе погожие деньки!» * . . . . .	28
«Люблю ночной порой не зажигать огня...» . . . . .	29
«Столько грязи опять и осеннего холода столько...» . . . . .	30
«Листва осенняя сопрела...» . . . . .	31

«Вода затопила кюветы...» . . . . .	32
«Кажись, и чудо невелико...» * . . . . .	33
«Таблетками накормлен до отвала...» . . . . .	34
«Николай Иванович, Колюня!» . . . . .	35
«И снова праздник наш печален...» . . . . .	36
«Поют соловушки во мгле...» . . . . .	37
«Покрыты сплавом берега реки...» * . . . . .	38
«Сижу, рыбачу... Только зря...» * . . . . .	39
«Случилась перемена в судьбинушке моей...» . . . . .	40
«Не забывай минувшие печали...» * . . . . .	41
«Лежалый снег ползет по крыше...» . . . . .	42
«Свое дитя как не оберегати!» . . . . .	43
«Ах, как он прыгал по опушке сада!» . . . . .	44
«Среди берез, на берегу реки...» . . . . .	45
«Она давно живет одна...» . . . . .	46
«Постой же! Погляди сюда...» . . . . .	47
«Душа, словно птица, пуглива...» . . . . .	48
«Да что такое происходит с небом...» . . . . .	49
«Дрова подсохли на повети...» . . . . .	50
«Выгляжу как белая ворона...» . . . . .	51
«Работай, друг мой, душою чист...» . . . . .	52
«Сияет Ясная Поляна...» . . . . .	53
«Луга, что не украшены стогами...» . . . . .	54
«Сомкну глаза — и, словно наяву...» . . . . .	55
«Ни звезды, ни ясна месяца...» . . . . .	56
«Среди зимы, среди мороза...» . . . . .	57
«Сводим лес и травим наши реки...» . . . . .	58
«Брали ягоду, рыбачили...» . . . . .	59
«Без заботы жилось, без печали...» . . . . .	60
«Опять, опять весну припомнил прежнюю!» . . . . .	61

**Чухин Сергей Валентинович**

**ДЫМ РАЗЛУКИ**

**Общественный редактор В. В. Коротаев**

**Редактор В. А. Беднов**

**Художник В. С. Вежливцев**

**Технический редактор Н. Б. Буйновская**

**Корректор А. А. Фонтейнес**

---

Сдано в набор 18. 9. 1974 г. Подп. в печать 22. 10. 1974 г.  
ГЕ00584. Формат бум. 70×90/32 (бумага офсетная).  
Физ. печ. л. 2,0. Усл. печ. листов 2,34. Уч.-изд. листов 1,616.  
Тираж 5000. Цена 15 коп. Заказ 5688.

---

Северо-Западное книжное издательство,  
Вологодское отделение  
Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография,  
Вологда, ул. Калинина, 3.